

УДК 1; 930.1

Рассказывая историю: коммуникативное согласие и нарратив

Эльдарион Артур Артурович

Старший преподаватель кафедры социологии и философии,
Морской государственной университет им. адмирала Г.И. Невельского,
690059, Российская Федерация, Владивосток, ул. Верхнепортовая, 50-А;
e-mail: arthorius_mag@mail.ru

Аннотация

Проблемное поле вопросов, обсуждаемых в статье, задано ситуацией, согласно которой в современной интеллектуальной среде предпринимаются попытки переосмысления фундаментальных оснований человеческого бытия, и феномен прошлого не является исключением. Сегодня, в рамках философии истории, есть основания утверждать, что проблема прошлого в эпоху, которую нередко называют «эпохой после постмодернизма», требует если не переосмысления, то по меньшей мере актуализации вопросов, связанных с историей в целом и с прошлым в частности. Одним из них является вопрос о функциональной сущности исторического нарратива. Исходным положением данной статьи является утверждение о том, что на сегодняшний день историческое знание репрезентируется двояко: история как совокупность фактов прошлого и история как повествование о прошлом, нарратив. Первая актуализирует проблему исторической объективности, вторая затрагивает круг вопросов исторической репрезентации. Наиболее проблематичным представляется второй аспект понимания истории, и данная статья является попыткой наметить ориентиры для его осмысления. Актуальность работы определяется необходимостью прояснения понятия нарратива и определения его статуса в современной философии истории. Также ставится задача попытаться проследить связь нарратива с коммуникативным согласием и пониманием.

Для цитирования в научных исследованиях

Эльдарион А.А. Рассказывая историю: коммуникативное согласие и нарратив // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 170-177.

Ключевые слова

История, прошлое, нарратив, герменевтика, коммуникативное согласие.

Введение

Нам видится правомерным толкование исторического нарратива как продукта, конструированного структурой коммуникации. Исторический нарратив работает не столько на отображение содержания события, сколько на коммуникативный аспект, т. е. на передачу сообщения о событии. Если я сообщаю о событии, то здесь будут уместны такие способы, которые академическими историками воспринимались бы, по меньшей мере, как трата времени. Это и игра, и мифотворчество, и всевозможные исторические инсталляции. В этом смысле нарративными могут быть не только сочинения историка, где референтный ряд событий соотносится с фактичностью. Нарративными могут представляться скульптура, музыка, т. к. нарратив не есть просто повествование. Речь в данном случае не идет о том, чтобы выяснить истину события, а лишь о том, чтобы сделать удобной и потребной соответствующую форму репрезентации.

Сегодня возрастающий интерес к нарративному пониманию истории заставляет пересмотреть приоритеты и начать обсуждать вопросы, которые ранее существовали лишь на периферии исторического познания. Признание тезиса о нарративной природе исторического описания, ставит вопрос о том, как писать либо рассказывать, выше вопроса о том, что писать. В новой исторической ситуации «после постмодернизма» [Даманска, 2010] рост интереса к нарративу, в его разных формах и моделях, становится базовой, ключевой тенденцией многих исторических и философско-исторических исследований.

Основные черты нарратива

Долгое время нарратив относился скорее к области литературы, нежели истории, и в широкое научное употребление понятие «нарратология» начинает входить во второй половине XX века. Теперь понятие нарратива привлекает внимание многих исследователей в области не только литературы, но и истории, философии и многих других. А. Данто, стоявший у истоков привнесения нарратива в область историографии, свел нарративность к «нарративным предложениям» изъясительного наклонения прошедшего времени [Данто, 2002, 139]. Х. Уайт значительно расширил понятие «нарративной структуры», особенно в контексте историографического дискурса, включив в него интригу [Уайт, 2002, 7-8]. По мнению литературоведа В. Шмида, объектом нарратологического интереса провозглашаются все «тексты, излагающие историю и в той или иной мере обладающие опосредующей инстанцией нарратора» [Шмид, 2003, 13]. На сегодняшний день многие исследователи, выделяя сущностные черты исторического описания, все чаще отождествляют их с типичными характеристиками нарратива. Тезис о нарративности истории уже стал популярным, однако стоит подчеркнуть: нас интересует именно исторический нарратив, обращающийся к событиям, действительно имевшим место в прошлом, а не художественный, ориентированный больше на вымысел.

Итак, что же такое исторический нарратив, и с какими нарративами мы имеем дело? В самом общем смысле нарратив можно определить как «пересказ, пересчет (как продукт и процесс, объект и акт, структура и структуризация) одного или более реальных или вымышленных событий, сообщенных одним, двумя и более (более или менее открытыми) рассказчиками (нарраторами) одному, двум или более... слушателям (наррататорам)» [Prince, 1989, 59]. Исходя из определения, можно сказать, что нарратив охватывает как минимум два самостоятельных аспекта дискурса. Первое это содержание или объект нарратива. Нарратив начинается, когда объект подают в виде события или ситуации и оформляют их в соответствующее высказывание. Второе – форма или способ его организации, заключается в актуализации аспекта рассказываемости.

Очевидно то, что, как бы ни были представлены события или ситуации, в любом случае они предполагают наличие «точки зрения», «авторской позиции». Поэтому стало распространенным толкование нарратива как продукта, конституированного структурой коммуникации, или результата работы комплекса повествовательных инстанций. Несмотря на все дискуссии по поводу их числа и характера, В.Н. Сыров предлагает говорить о следующих парах: «автор-читатель» и «нарратор-наррататор» [Сыров, 2006, 149].

Такой подход не без основания вызывает критику со стороны «противников нарратива», так как возникает вопрос о способах обеспечения научности исторического познания, поскольку сказанное выше свидетельствует о присутствии в ходе повествования о прошлом знаков субъективности автора, что указывает лишь на повествование, а не на историческое познание. Не будем скрывать, что историки негативно относятся к нарративу, их позиция заключается в том, что история – это история фактов. Не умаляя значение данной позиции, мы же настаиваем на следующем: исторический нарратив имеет другую цель, эта цель – коммуникативное согласие.

Прежде всего, нужно исходить из понимания того, что выделяют два типа исторических нарративов. Первый – это повествовательный нарратив классического типа, второй – нарратив «нового» типа. В.Н. Сыров его называет «исследовательский», мы назовем его коммуникативный. Характеризуя нарратив классического типа, можно сказать, что конструирующим ядром этого нарратива является тема. Тематический принцип, как пишет В.Н. Сыров, предполагает, что в основе создания исторического нарратива данного типа лежит установка на описание и реконструкцию прошлого, подразумевая повествовательность, но не рассуждение. При этом актуальность или необходимость предмета повествования не ставится под сомнение [там же, 153]. В основе нарратива такого типа оказывается стремление показывать события так, как будто такими они и были на самом деле.

Связь исторического нарратива с переживанием и коммуникацией

Сегодня классический нарратив подвергается последовательной критике, так как не отвечает современным запросам исторического познания [там же, 156]. Это не должно явиться поводом для отказа от нарратива как способа актуализации прошлого, но это мо-

жет стать поводом для переосмысления и прояснения функциональных особенностей данного способа. Как следствие, мы можем говорить о втором, по-новому понимаемом, типе исторического нарратива – коммуникативном. Ядром нового типа нарратива является не описание темы, а решение дискуссионных вопросов. То есть, история создается не восстановлением забытого прошлого, а теми проблемными вопросами, которые задают участники исторического дискурса определенному событию в прошлом, где их решение будет зависеть от готовности сторон быть включенными в коммуникацию и диалог. Так или иначе, в рамках исторического нарратива нового типа, нарратор должен занимать позицию «внутри», быть частью повествования, что делает его одним из участников рассказываемой истории.

Такое понимание нарратива сопоставимо с основными положениями герменевтики, которые связаны с пониманием и переживанием. Герменевтическая традиция, восходящая еще к идеям Дильтея и Шлейермахера, основывается на том, что понимание исторических событий возможно лишь на основе психологического «вживания» во внутренний психологический мир исторических деятелей. Из «безмолвных архивов», можно извлечь в основном только материал, содержащий «мертвые абстракции», поэтому возникает необходимость обогащения их через рассказ, а это возможно с помощью включенного переживания. Этот метод переживания истории говорит нам, что нарратор должен быть «конгениальным» событию, то есть должен восстанавливать объем содержания, за счет своей креативности и включенности в рассказ. Отсюда главным орудием исторического познания, на что и указывает Дильтей, является переживание [Дильтей, 2004, 125]. События далекого прошлого становятся понятными, обретают смысл и значимость, когда мы внутренне переживаем их так, как если бы они случились в настоящем. Сопереживание и вчувствование, в это своеобразное понимание жизни у разных исторических персонажей, позволяет пережить состояние присутствия и передать его другим. Сопереживать и чувствовать можно только через включенный, субъективный рассказ, сухое отстраненное перечисление «беспристрастного автора» не дает нужного результата, здесь можно говорить об историческом понимании, которое опосредованно нарративом.

В свою очередь, в рамках самой герменевтики Х.-Г. Гадамер критикует так называемый «субъективный психологизм» Шлейермахера и Дильтея. Он говорит, что переживание и вчувствование имеют место быть, но также необходимо соблюдать дистанцию. По мнению Гадамера, подлинное понимание является не только репродуктивным, но всегда также и продуктивным отношением [Гадамер, 1988, 350]. Оно требует постоянного учета исторической дистанции между нарратором и текстом, всех исторических обстоятельств, непосредственно или опосредованно связывающих их, взаимодействия прошлой и настоящей ситуации. Отсюда получается, что значение исторического нарратива заключается не в восстановлении прошедшего, пускай даже при помощи «вживания» в рассказываемую ситуацию, а в «мыслящем опосредовании с современной жизнью» [там же, 219].

Если идти дальше, то исходя из характеристики исторического нарратива как продукта, который конструируется структурой коммуникации, его можно связать с тем, что Ю. Хабермас называет коммуникативной рациональностью [Хабермас, 2007, 239]. В центре философских размышлений Хабермаса находится концепция коммуникативного разума, которую он характеризует как «наследницу» классического понятия практического разума.

Хабермас предлагает диалогичный поиск истины в процессе социальной коммуникации, направленной на согласие. Отношения отдельных субъектов всегда опосредованы возможностями коммуникации с другими людьми, способностью прийти к согласию. Согласие между участниками коммуникации реализуется в процессе дискурса, как следствие под власть дискурсов попадают интересы и ценности. Понятие дискурса у Хабермаса теснейшим образом связано с коммуникативным действием. Сущность коммуникативного действия заключается в необходимости находить и использовать рациональные механизмы для поиска путей к согласию. Взаимопонимание, признание, аргументация, консенсус рассматриваются как ключевые элементы, к которым необходимо прибегать участникам дискурса [там же, 230]. По мнению Хабермаса, коммуникативное действие ориентировано на нахождение взаимопонимания, согласия и преодоление разногласий между разными субъектами дискурса. Все выше сказанное определенным образом согласуется и с историческим нарративом. К примеру, в нашем случае этими субъектами являются различные сообщества историков, и не только историков, которые могут иметь разные взгляды на одно и то же историческое событие.

В итоге, ключевая идея обозначенных в статье тезисов, сводится к тому, что сегодня нужно наладить историческую коммуникацию, основная задача той же истории не должна заключаться только в составлении архивных реестров исторических фактов. Здесь другая проблема, актуальность поднимаемого нами вопроса связана с тем, что сегодня существует необходимость договориться, прийти к общему согласию касательно того или иного события произошедшего в прошлом, закрыть часть исторической событийности как законченную историю. Нарративная форма истории позволяет прийти к этому, часть исторических событий необходимо закончить, а для этого нужно прийти к согласию. Именно здесь на первый план выходит не историческое событие как таковое, а сам процесс коммуникации по поводу этого события. В этом и состоит смысл исторического нарратива, важно не то, что мы описываем или рассказываем, важно то, как происходит этот процесс описания или рассказа.

Важно подчеркнуть, что в рамках нашей темы не решаются задачи исторической истины, вопросы истинности уходят на второй план, главным становится вопрос понимания и согласия, лежащего в основе исторического события, о котором может идти речь. Нет нужды отрицать, что быть в истории – это ее знать, несомненно, но быть в истории – это еще и понимать, понимать смыслы, уметь договариваться, согласовывать, идти на компромиссы. Посредством нарратива история сообщается, о прошлом нужно сообщить, рассказать, чтобы договориться и прийти к согласию.

Также важно отметить, что у Хабермаса коммуникативное согласие основано только на рациональности, мы же рискнем говорить в более широком контексте. Понятно, что если бы исключить все эмоции и разговаривать, полагаясь только на логику, обоснование и аргументацию, то возможно не было бы и проблем. Но есть и другая сторона человека, которую необходимо учитывать. В процессе коммуникации человек не в состоянии исключить свою эмоциональность, поэтому нарратив включает в себя, помимо рационального, также интуитивные моменты, переживания и чувства.

Заключение

При определении исторического нарратива важно учитывать его особые, специфические черты. Нарратив – это не просто рассказ или повествование, это повествование, отвечающее определенным условиям. В классической форме – это беспристрастный обезличенный пересказ нарратором имевших место в прошлом событий, без проблематизации и постановки вопроса. В новом его понимании акцент смещается на проблему повествования, с аргументацией нарратора, который сам непосредственно присутствует в повествовании. Этот тип исторического нарратива, в свою очередь, характеризуется определенной двойственностью, которая объединяется одной составляющей – коммуникативностью.

С одной стороны, это коммуникативное согласие интеллектуального, рационального толка, акцентирующее внимание на способности человека мыслить и рассуждать. С другой – коммуникативное согласие эмоционального толка, построенное на эмпатическом вчувствовании и понимании. Здесь акцент делается на способности человека чувствовать и сопереживать. Рассказать так, чтобы слушающий понял и осознал, что значит быть в той ситуации, о которой идет речь. Отсюда нарратив предполагает не только рациональность, способность мыслить, но и эмоциональную составляющую, основанную на значимости события, как для рассказчика, так и для слушателя.

Нарратив всегда имеет вектор, всегда адресован, благодаря ему происходит выделение из сухого хронологического перечисления определенного исторического события и актуализация его как значимого «здесь и сейчас». Событие прошлого не исчезает бесследно, будучи, в свое время, объективно существующей реальностью, имеющий свой онтологический статус, событие присутствует в эмпирическом опыте настоящего в виде зафиксированных свидетельств, которые нам говорят о том, что событие действительно имело место быть. Эти зафиксированные факты прошедших событий подвергаются интерпретации и осмыслению, вступая при этом в поле коммуникативного взаимодействия, в конечном счете, на первый план выходят коммуникативное согласие и нарратив.

Непосредственное присутствие в ситуации прошлого невозможно, у нас остается лишь возможность «приведения в присутствие» через нарратив. Нарратив здесь может являться одним из способов «приведения в присутствие» опыта прошлого, через коммуникативное взаи-

модействие, опосредованное повествованием. Сам же нарратив имеет место быть лишь благодаря наличию возможности прошлого быть данным нам, быть явленным нашему сознанию, отсюда, есть основания утверждать, что мы можем и должны рассказывать историю.

Библиография

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
3. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. М.: Три квадрата, 2004. 414 с.
4. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М., 2010. 400 с.
5. Сыров В.Н. Введение в философию истории: своеобразие исторической мысли. М.: Водолей Publishers, 2006. 248 с.
6. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. 528 с.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Резник Ю.М. (ред.) Вопросы социальной теории. Т. 1. Вып. 1. М., 2007. С. 229-245.
8. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
9. Prince G. A Dictionary of Narratology. University of Nebraska Press, 1989. 118 p.

Telling the history: communicative consensus and narrative

Artur A. El'darion

Senior lecturer,
department of sociology and philosophy,
Admiral Nevelskoy Maritime State University,
690059, 50-A Verkhneportovaya st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: arthorius_mag@mail.ru

Abstract

The problematic field of the issues discussed in the article is given by the situation according to which attempts are being made in the modern intellectual environment to rethink the fundamental foundations of human existence, and the phenomenon of the past is no exception. Today, within the framework of the philosophy of history, there is reason to assert that the problem of the past in an era that is often called the post-postmodern era requires, if not rethinking, at least the actualization of issues related to history as a whole and to the past in

particular. One of them is the question of the functional essence of the historical narrative. The starting point of this article is the assertion that today historical knowledge is represented in two ways: history as a collection of facts of the past and history as a narrative of the past, story. The first actualizes the problem of historical objectivity, the second touches upon the range of questions of historical representation. The second aspect of understanding history is the most problematic, and this article is an attempt to outline the guidelines for its comprehension. The relevance of the work is determined by the need to clarify the concept of narrative and determine its status in modern philosophy of history. The aim is also to trace the connection of the narrative with communicative consent and understanding.

For citation

El'darion A.A. (2017) Rasskazyvaya istoriyu: kommunikativnoe soglasie i narrativ [Telling the history: communicative consensus and narrative]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (3A), pp. 170-177.

Keywords

History, past, narrative, hermeneutics, communicative consent.

References

1. Danto A. (1965) *Analytical philosophy of history*. London: Cambridge at the University Press. (Russ. ed.: Danto A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii*. Moscow: Ideya-Press Publ.).
2. Dilthey W. (2002) *The formation of the historical world in the human sciences*. New Jersey: Princeton University Press. (Russ. ed.: Dilthey W. (2004) *Postroenie istoricheskogo mira v naukakh o dukhe*. Moscow: Tri kvadrata Publ.).
3. Domanska E. (1998) *Encounters: philosophy of history after postmodernism*. Charlottesville: University Press of Virginia. (Russ. ed.: Domanska E. (2010) *Filosofiya istorii posle postmodernizma*. Moscow: Kanon + Reabilitatsiya Publ.).
4. Gadamer H.-G. (2004) *Truth and method*. New York: Crossroad. (Russ. ed.: Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenевtiki*. Moscow: Progress Publ.).
5. Habermas J. (1984). *The theory of communicative action*. Vol. 1. Boston, MA: Beacon Press. (Russ. ed.: Habermas J. (2007) *Teoriya kommunikativnogo deistviya. Voprosy sotsial'noi teorii*, 1(1), pp. 229-245.).
6. Prince G. (1989) *A dictionary of narratology*. University of Nebraska Press.
7. Schmid V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.
8. Syrov V.N. (2006) *Vvedenie v filosofiyu istorii: svoeobrazie istoricheskoi mysli* [Introduction to the philosophy of history: the peculiarity of historical thought]. Moscow: Vodolei Publ.
9. White H. (1973) *Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. (Russ. ed.: White H. (2002) *Metaistoriya. Istorieskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka*. Ekaterinburg).